

МАРТИН РИЧАРДС:

Церемонию вручения "Оскар" совершенно не помню

М. Ричардс

Более четверти века продюсер кинемюзикла "Чикаго" Мартин Ричардс, или Марти, как его зовут друзья, шел к триумфу. Сегодня его считают самым упорным, прозорливым и удачливым кинопродюсером Америки. Еще бы, через тернии метаний, скандалов, проб и ошибок он привел звездную команду фильма "Чикаго" к самому вождьеленному в мире кинематографу успеху. Шесть золотых статуэток "Оскар", включая премию за лучшую кинокартину года.

Мартин Ричардс — один из столпов американского музыкального театра. Он возглавляет кинотеатральную производственную компанию The Producer Circle, которую основал в 1976 году вместе со своей ныне покойной женой Мэри Ли Джонсон. Их

первый мюзикл On the Twentieth Century в постановке Хэрлда Принса завоевал пять наград "Тони". Следующий, Sweeney Todd, также поставленный Принсом, удостоился восьмью "Тони", включая премии за лучший мюзикл. Ричардс выступил сопродюсером легендарного музыкального спектакля "Чикаго" в постановке Боба Фосса, номинированного на одиннадцать "Тони" и названного лучшим мюзиклом в Лондоне и Лос-Анджелесе. А в целом в его копилке 36 (!) премий "Тони", премия Пулитцера, десятков наград организаций театральных критиков.

В сфере кинематографа Ричардс работал редко, но метко, выступив продюсером таких заметных фильмов, как "Мальчики из Бразилии"

(Boys from Brazil) Фрэнклина Шаффнера с участием Грегори Пека и Лоуренса Оливье, "Сияние" (The Shining) Стэнли Кубрика с Джеком Николсоном и "Форт Алачи, Бронкс" (Fort Apache the Bronx) Даниела Петри с Полом Ньюменом. И вот год 2003-й — колоссальный успех киноверсии "Чикаго", которая в прошлом месяце имела еще одну мировую премьеру — на видео.

— Г-н Ричардс, триумф "Чикаго" стал для вас осуществлением мечты. Вы полагаете, главные жизненные цели вами достигнуты?

— Никогда не скажешь: ну вот, все главные цели достигнуты. Наоборот, лишь разгорается аппетит. Ты становишься кем-то вроде Дракулы. Почувствовал запах крови и хочется еще. Но мечта действительно реализовалась. Фантастика! Ведь столько лет жизни я посвятил одному этому проекту. Но помимо "Чикаго" я сделал три десятка театральных спектаклей и спродюсировал три фильма.

— Но "Чикаго" возвышается, как покоренный Эверест.

— Очень милое сравнение.

— А есть ли еще какая-то вершина, на которую вы хотите взобраться?

— Нереально ставить себе целью получение "Оскара". Так не бывает. Просто ты работаешь, и вдруг, независимо от тебя, звезды занимают счастливое расположение в небе. И ты получаешь награду. Я себе не ставлю неподъемные задачи, просто продолжаю делать свое дело. Но это стало труднее, потому что на меня сегодня смотрят более придирчиво.

— Признаться, предвидели такой успех?

— Я всегда верил, что смогу сделать замечательный фильм, но никогда не думал, что сделаю с кем-либо, кроме Боба Фосса, с которым начал проект. Много воды утекло. Нам повезло. Мы нашли Роба Маршалла, который сейчас стал одним из ведущих режиссеров в жанре мюзикла. Я воодушевлен, что помог становлению карьеры еще одного музыкального гения. Никогда не думал, что кто-либо смог бы это сделать, кроме Фосса. Когда он умер, словно громадный шар лопнул. И вот с появлением Маршалла затеплилась надежда. Когда нам с ним удалось создать актерский ансамбль, все мои мечты осуществились.

— Как строились ваши отношения с Робом Маршаллом?

— Это был совместный поиск правильных решений. Я встретил Роба, когда он ставил в театре "Почелуй женщины-паука". Чита Ривера (театральная актриса — О.С.) сказала мне: "Познакомься с новым блестящим режиссером". Когда я посмотрел "Кабаре", который он поставил вместе с Сэмом Мендесом, у меня возникла идея взять их двоих как режиссеров для нового фильма. Но в то время студии не имели ни малейшего представления об их громадном таланте. А потом Роб получил премию "Эмми" за телевизионный мюзикл Annie. Я попросил Харви Вайнстена (кинопродюсер, совладелец компании

Miramax — О.С.) послать людей, чтобы они посмотрели "Кабаре". Они посмотрели, пригласили Роба к себе в офис, спросили, не хочет ли он поговорить со мной о Chicago. Он все им подробно описал. Мне позвонил Харви и сказал: "Я сейчас встретился с этим парнем, Робом Маршаллом, он самый славный малый из тех, с кем мы говорили". Я сказал: "Харви, я же тебе говорил о нем!" И мы начали работать вместе.

— Многие полагают, что продюсер — это только деньги, финансовая подпитка проекта и техническая организация. Иногда читаешь в прессе, как тот или иной продюсер присваивает себе все заслуги, отталкивая режиссера на обочину. Как бы вы определили кредо продюсера?

— Я не знаю каких-то особых путей, но помню, как Коул Портер написал песню о продюсере, где сравнил его с Богом. Действительно, продюсер в прошлом был всемогущей фигурой на киноплощадке и на театральной сцене. Когда я делал свои первые бродвейские мюзиклы, я их продюсировал вместе с Бобом Фрайером. Он много чего делал: Sweet Charity, Hello, Dolly! и другие замечательные вещи. В самом начале проекта ты занимаешь драматурга и режиссера, следишь за реализацией сценария, пригласаешь звезд, конечно, координируя с режиссером. Но сейчас процесс работы все больше напоминает дурную свадебную церемонию, когда на сцену выходят незнакомые люди и ты не знаешь, кто невеста, а кто жених. Я имею в виду, что инвесторы нагло лезут в продюсеры, их теперь столько перечислено в программах, что когда идешь на церемонию "Тони", ты видишь: 80 процентов инвесторы, и лишь единицы — настоящие продюсеры. Иногда режиссер забирает все бразды правления себе. Называется это режиссерской концепцией, и тут уже речь не идет о равноправном альянсе продюсера и режиссера. В кино эта тенденция не достигла такого уровня, как в театре. Продюсер низводится до роли линейного менеджера, который назначает встречи и следит, чтобы соблюдался график. Такого продюсера еще называют исполнителем. Человек выполняет чисто технические функции, подкручивает, так сказать, гайки. Я так никогда не работал, кроме как на одном шоу, которое оказалось провальным. Все остальное я делал как полноценный продюсер. Для меня талантливый продюсер — тот, кто вынашивает идею и страстно любит проект с самого начала. Раньше продюсер делал все — занимался деньгами и контролировал шоу. Сегодня это практически невозможно осилить одному человеку, потому что шоу по стоимости приблизились к фильму — 10 — 15 миллионов долларов почему-то уходят стремительно, как в песок.

— Как вы оцениваете перспективы мюзикла в кино? Многие думают, что феноменальный успех "Чикаго" знаменует его возрождение.

— К подобным утверждениям надо относиться очень и очень осторожно. Теперь все новое в этом жанре будет рассматриваться через призму "Чикаго". Мюзикл — моя первая любовь. Ребенком я был вскорилен старыми мюзиклами студии M-G-M, которые смотрел с балкона дешевого кинотеатра в Бронксе. Если будут выпускаться пакками плохие мюзиклы под "Чикаго", потому что это писк моды, мы все с грохотом откатимся назад. Лучше один хороший, чем куча плохих. Нельзя насильно вливать музыку. Нужно, чтобы она точно ложилась на сюжет, нужно поддерживать постоянный интерес к интриге. Сейчас, когда я вхожу в театр, чувствую себя как Цезарь, завоевавший Помпеи и вернувшийся с победой в Рим. Все мои коллеги и друзья подходят и говорят: спасибо, спасибо, спасибо, ты открыл нам новые возможности, оживил музыкальный рынок.

— Какой день съемок "Чикаго" самый памятный?

— Первый и последний. И так, день первый. Я вхожу на съемочную площадку и вижу: Рене Зеллвегер, одетая под Мэрилин Монро, томно лежит попереки фортепиано и поет Funny Honey. Я застыл на месте и не смог сдержать слез. Боже, как она роскошно выглядит, да еще прекрасно поет! Осветитель, стоявший рядом, говорит тревожно: "Мистер Ричардс, это же смешной номер, почему вы плачете?" В тот момент я понял, что мы движемся в правильном направлении. И, конечно, день последний. Мы начали в 11 утра и закончили в 6 утра следующего дня, а накануне, между прочим, закончили в 4 утра. Заключительный номер — Razzle Dazzle. Ричард Гир стоит на барабанах, танцует и поет, Рене Зеллвегер бесстрашно, как циркачка, летает по судебной зале, Роб охрипшим голосом орет: "Мотор!" И вот где-то в 6 вечера все почему-то замирает, и появляется Джон Си Райли с огромным тортом в руках. Оказывается, это мой день рождения, мне стукнуло 78 лет, они не забыли, а у меня совершенно вылетело из головы. Ричард Гир спел Happy Birthday. И все-все-все меня поздравляли. Потрясающе! От переизбытка чувств меня оставили силы.

— Это стоило бы описать в мемуарах.

— О да, я хочу все отразить — и огромную любовь к жене, и многолетнюю работу над "Чикаго" и все, что произошло в промежутках. Вот еще один памятный момент — рабочий просмотр фильма в первой сборке. Никто не верил, что получится так хорошо. Когда просмотр закончился, Харви и все остальные встали и долго аплодировали. После "Бульварного чтива" (Pulp Fiction) это был первый столь успешный прогон Miramax. А вот церемонию вручения "Оскара" я совершенно не помню.

— Слишком разволновались?

— Да, очень много переживаний. Когда Роб не победил в режиссерской номинации, я подумал: да нас ограрили! Все сошли с ума!

— Все заметили, что, получая "Оскар" за лучший фильм года, вы пригласили его на сцену.

— Он заслужил. Без него не было бы фильма. Когда объявили мое имя,

я покрылся потом, хотя никогда раньше не потел. Мой костюм весь промок, буквально я был мокрый, как будто прыгнул в море. Когда вышел на сцену, не понимал, что говорил, что творилось вокруг.

— А со стороны казалось, что вы полностью себя контролировали.

— Действительно? Все лауреаты так красиво говорили, но когда я поднялся из кресла, то стал что-то лепетать сквозь ватную пелену, которая мгновенно встала перед глазами. Все подсказывали, кричали, подбадривали, но я слышал голоса как во сне. Когда после церемонии я отправился на вечеринку журнала Vanity Fair, передо мной выросла тысячная толпа, которая стала кричать: "Марти, подними повыше своего "Оскара"!". Помню, я рассекал эту толпу как сомнамбула. Совершенно обессиленный, под утро вернулся в свою комнату в отеле. Номер был завален цветами и телеграммами. На телефонном автоответчике я насчитал 55 поздравлений. Вставил ключ в дверь, повернул в замке. Наконец-то один! И тут у меня началась страшная трясучка. Подумал: "Оскар" у меня, жена умерла, мой партнер Боб Фрайер тоже умер, Боб Фосс умер. Все, конец. Вернувшись домой, я торжественно водрузил статуэтку на почетное место, рядом с "Золотым глобусом", но в некотором отдалении от всех моих "Тони". Мне приносили тонны писем, в том числе от людей, которых я не видел с детского сада, я и не думал, что они живы, от людей, которых встречал в разные годы в разных уголках мира.

— Таков, видимо, вкус успеха...

— О, мне это очень нравится. Очень приятно с вами беседовать. Скажите вашим, что в моих жилах тоже русская кровь.

— Похоже, почти все талантливые люди в Америке имеют ту или иную долю русской крови.

— У меня русская кровь от бабушки и дедушки с материнской стороны.

— Знаете, откуда именно они приехали?

— Дедушка — из Минска, бабушка — из Одессы. Мои мать и отец родились уже в Америке. Кстати, по отцовской линии я венгерского происхождения. Поэтому и считаю себя чистым восточноевропейцем.

— А есть ли у вас какие-то вещи, документы, фотографии бабушек и дедушек?

— Фотографии их стоят у меня в гостиной. Моя мать родила меня очень молодой, ей было всего 19 лет. Моему отцу было тогда 20 лет. Мои бабушка и дедушка были очень молодыми и спорили, кто из них будет меня нянчить. Мое появление на свет они восприняли как второе пришествие Христа. Одним словом, у меня было прекрасное детство. Как бы они прореагировали, узнав, что я стал лауреатом "Оскара"? Наверное, их потрясению не было бы границ!

Беседу вел
Олег СУЛЬКИН
Нью-Йорк
Фото Рейтер